

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.150.144>

Научная статья

Головацкая Т.П.^{1,*}, Туре З.Г.²

¹ORCID : 0000-0001-8183-1671;

²ORCID : 0000-0001-9876-580X;

^{1,2} Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (goltaya[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются чукотские и эскимосские антропонимы в контексте национальной культуры. Чукотская и эскимосская антропонимика складывалась на протяжении длительного процесса этнического формирования и развития этих народов. На ее формирование оказали влияние многочисленные исторические, социальные, природно-географические, хозяйственно-бытовые и культурные факты.

Цель работы – выявить лексико-семантические группы существительных, от которых были образованы личные имена чукчей и азиатских эскимосов; описать традиционную и современные системы присвоения личных имен.

В исследовании использовались следующие методы: метод частичной выборки, описательный и сравнительно-сопоставительный методы.

Основные выводы:

1) В имяназвании важную роль у чукчей и эскимосов играет выбор личного имени. В настоящее время параллельно с официальной системой именования, которая существует сегодня (имя, отчество и фамилию) у чукчей и эскимосов есть еще второе имя – чукотское или эскимосское.

2) Различия между современной и традиционной системами присвоения имен существуют. Старая система именования была многообразнее; новая система сузилась, стала более жесткой.

3) Система наречения имени и представления о переселении душ сохраняется у чукчей и эскимосов, но в трансформированном виде.

Статья адресована исследователям научных и образовательных центров, занимающимся изучением и преподаванием языков и культуры северных этносов, преподавателям и студентам колледжей и вузов.

Ключевые слова: палеоазиатские языки, чукотско-камчатские языки, эскимосско-алеутские языки, чукотский язык, эскимосский язык, антропонимика, контактирование, национальная культура.

CHUKCHI AND ESKIMO ANTHROPNYMS IN THE CONTEXT OF NATIONAL CULTURE

Research article

Golovatskaya T.P.^{1,*}, Ture Z.G.²

¹ORCID : 0000-0001-8183-1671;

²ORCID : 0000-0001-9876-580X;

^{1,2} A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (goltaya[at]yandex.ru)

Abstract

The article examines Chukchi and Eskimo anthroponyms in the context of national culture. Chukchi and Eskimo anthroponymy was formed during the long process of ethnic development and shaping of these peoples. Its creation was influenced by numerous historical, social, natural-geographical, economic, domestic and cultural facts.

The aim of the work is to identify lexico-semantic groups of nouns from which the personal names of the Chukchi and Asian Eskimos were formed; to describe the traditional and modern systems of personal name assignment.

The following methods were used in the study: partial sampling method, descriptive and comparative-comparative methods.

Main findings:

1) The choice of a personal name plays an important role in naming among the Chukchi and Eskimos. Nowadays, in parallel with the official naming system that exists today (first name, patronymic and surname), the Chukchi and Eskimos have a second name – Chukchi or Eskimo.

2) There are differences between the modern and traditional naming systems. The old naming system was more diverse; the new system is narrower, more rigid.

3) The system of naming and the idea of the transmigration of souls is preserved among the Chukchi and Eskimos, but in a transformed form.

The article is addressed to researchers of scientific and educational centres engaged in the study and teaching of languages and culture of northern ethnic groups, teachers and students of colleges and universities.

Keywords: Palaeo-Asiatic languages, Chukotka-Kamchatka languages, Eskimo-Aleut languages, Chukchi language, Eskimo language, anthroponymy, contact, national culture.

Введение

Антропонимы, как и языковая картина мира, в разных этнических культурах являются секретным информативным кодом, который скрыт для других народностей, поскольку имена собственные содержат энергетику и оценку содержания деятельности их обладателей, подлинных или выдуманных. Антропонимы являются концептами культуры, так как веками изменяющаяся семантика антропонима определяет их национально-культурную специфику.

Чукотская и эскимосская антропонимика складывалась на протяжении длительного процесса этнического формирования и развития этих народов. На ее формирование оказали влияние многочисленные исторические, социальные, природно-географические, хозяйственно-бытовые и культурные факты.

В связи с малой степенью разработанности некоторых лингвистических разделов палеоазиатских языков, в том числе чукотской и эскимосской антропонимики, данное исследование является актуальным с целью сохранения и перспективах дальнейшего исследования палеоазиатских этносов.

Цель работы – выявить лексико-семантические группы существительных, от которых были образованы личные имена чукчей и азиатских эскимосов; описать традиционную и современную системы присвоения личных имен.

Источниками представленной работы по чукотскому и эскимосскому языку послужили статьи и словари [1], [2], [3], [5], [10].

Основные результаты

Антропонимическая модель чукчей и эскимосов до недавнего времени была одночленной, то есть каждый человек наделялся только индивидуальным именем.

2.1. Эскимосские антропонимы

В книге Вахтина Н.Б. «Возвращение умерших и наречение имен на Северо-Востоке Сибири» описаны представления с имянаречением у азиатских эскимосов: «... Одна из моих информанток (Элла, ок. 1945 г. р.) рассказывала, что чаще всего имя новорожденного или будущего ребенка узнавали во сне: беременной или кому-то из ее семьи являлся во сне кто-то из умерших родственников, и его именем называли ребенка. Имя могло быть угадано неправильно, и тогда ребенок болел, хирел – пока его не переименуют, не найдут правильное имя. Имя могли узнать по приметам: по внешнему сходству между новорожденным и умершим становилось ясно, кто из умерших хочет «вернуться» в этом ребенке. Например, родилась девочка с большим красным родимым пятном на затылке и спине, и по этому признаку ее назвали именем умершей женщины, которую когда-то скальпировал медведь, содрвав лоскут кожи с затылка и спины» [1].

В этой же работе описаны несколько цитат из интервью с информантами-эскимосами. Первый рассказ принадлежит пожилой женщине, второй – примерно 40-летней.

«Когда моя дочь училась в школе, наш родственник, СН, говорил: «Ты, когда будешь взрослая, выйдешь замуж, я через тебя вернусь». Потом он умер, дочка выросла, училась в Хабаровске, у нее там родился сын. Но ребенок плохо сосал, и болезнь нашли какую-то. И тут я вспомнила – СН ведь говорил! А-а, это же СН! Когда назвали правильно – как рукой сняло все его болезни. Полтора месяца прожил, пока до меня дошло».

«Я, например, прабабушка К., мамина бабушка. И сейчас даем имена детям. У моей сестры родилась дочь, ей сегодня три месяца. Мы ее назвали именем нашей матери, потому что, когда сестра рожала, у нее было такое затемнение, полубоморочное состояние, и в проеме двери она увидела стоящую покойную маму. Это значит, что мама пришла к нам с этой девочкой, т.е. мама продолжает жить <...> ее дух живет, и вот теперь ее дух перешел во внучку. Мы долго ждали, когда она придет. У брата пришел сын Г., сейчас ему полтора года. Он что-то болел. Мы думали, что это наша мама пришла, – нет, он все равно продолжал болеть. Мы поняли, что это не она пришла. Теперь, после того как Л. (мать трехмесячной девочки. – Н. В.) рассказала свой сон, мы знаем, что это уже точно наша мать пришла. И стало быть, теперь дух мамы будет оберегать эту девочку от всех невзгод» [1].

Как видно, традиционная система передачи имени вполне актуальна. Нет бросающихся в глаза различий в интерпретации этой системы представителями разных возрастов. Практически все информанты, независимо от степени их осведомленности в других областях традиционных знаний, описали данную систему со значительными подробностями.

В советское время всем народам Севера, в том числе и эскимосам и чукчам, начали присваивать фамилии и отчества. Фамилии образовывались на базе старых личных имен, а имена и отчества предлагалось выбрать из русского языка. Например, имя Куяпа интерпретировалось властями как фамилия, а имя отчество выбирали самостоятельно, так появился Федор Иванович Куяпа. А дети Федора Куяпа получали в дальнейшем отчество «Федоровичами»

Особенность эскимосского языка, как и многих других палеоазиатских языков в том, что в языке нет категории рода имен существительных. В советский период при вступлении в брак эскимосские женщины практически все меняли и меняют фамилию, таким образом появляется женский род, например, Ашкамакина Ирина Петровна.

Эскимосские имена не подразделяются на мужские и женские, поэтому многие имена могут принадлежать как женщине, так и мужчине из-за отсутствия категории рода: Нанагац ‘Белый медвежонок’, Ануца ‘Ветер’, Иля ‘Друг’ и другие.

Большая часть имен закрепилась за мужчинами или женщинами по семантическим признакам: женское имя Игалыгытац ‘Звезда’, мужское имя Паналык ‘С копьем’ и другие.

Не вызывает трудностей выявить этимологию большинства эскимосских личных имен в связи с тем, что структура личного имени соответствует тому нарицательному слову, от которого оно образовано.

Семантические разряды слов, от которых образуются эскимосские антропонимы:

Антропонимы, отражающие особенности животного и растительного мира: Ыкмиџ 'Собака', Кавиџ 'Лиса', Ныхсяџ 'Нерпа', Макляџ 'Лактак', Мытыхълџюк 'Ворон', Нануџ 'Белый медведь', Кайџа 'Бурый медведь' и другие

Антропонимы, представляющие окружающий мир, явления внешних признаков и состояний: Имаџ 'Море', Тыџ 'Морская ракушка', Тапхаџ 'Мыс, Коса', Найваџ 'Озеро', Ануџа 'Ветер', Нигук 'Свет' и другие.

Антропонимы, представляющие термины родства: Ата 'Отец', Атата 'Дядя (брат отца)', Наяџ 'Сестра' и другие.

Антропонимы, характеризующие внешние черты человека: Мыльџхулџюк 'Волосистый', Йимиталги 'Степнительный, Застенчивый', Аџылги 'Большой', Мыкыстаџаџ 'Маленький' и другие.

Антропонимы, связанные с представлениями о возвращении умерших в образе новорожденных: Тагьяџаџ 'Ушедший', Тагикаџ 'Пришедший' и другие.

Антонимы, представляющие хозяйственную утварь, продукты питания, предметы быта: Напаџаџаџ 'Мачта', Пыкутаџаџ 'Лопата (орудие)', Таџаџаџ 'Соль', Ыаџаџаџаџ 'Блюдо, на котором режут мясо' и другие.

Антропонимы, обозначающие обладание чем-либо: Насьяџаџ 'Имеющий капюшон', Уйџаџаџаџ 'Имеющий камень', Айвыџаџаџ 'Имеющий моржа', Нануџаџаџ 'Имеющий белого медведя' и другие.

2.2. Чукотские антропонимы

Чукотское имя по традиции давалось новорожденному на пятые сутки его жизни. Обычно имя давала мать, но были исключения, когда это право могло быть передано и другому лицу – обычно всеми уважаемому человеку. Распространенным определением имени новорожденного было гадание на подвешенном предмете. С этой целью подвешивали предмет, относящийся к матери, называя имена по очереди, определяли имя. Если предмет шевелился при произнесении очередного имени, то таким именем называли ребенка.

Мужские и женские чукотские имена отличались только по оформлению формы слова, с помощью специальных суффиксов. Мужское имя – Тыџнџэџ, женское – Тыџнџаџ. Чтобы перехитрить злых духов чукчи называли девочек мужскими именами, а мальчиков – женскими. С той же целью давали несколько имён.

Антропонимы, отражающие традиционные верования чукчей: Етыџын 'Пришедший', Нотал'к'от/Нутэл'к'ут 'Поднявшийся с земли', Пэн'эл'к'ут 'Поднявшийся после отдыха', Пылк'энтџаџ 'Вернувшийся обратно', Ыџрџол' 'Верхний', Этчыџыџрџын 'Трудный', Нуват 'Возвращённый', Пан'анто 'Отдохнувший от усталости', Тн'эчейвун 'Пришедший пешком от рассвета', К'эргынто 'Вышедший из (области) света', К'эргыкват 'Застрявший в свете', Етгеут 'Пришедшая', К'утгэут 'Поднявшаяся', Рагтын'а 'Женщина, пришедшая домой', К'эргыкван'авыт 'Женщина, застрявшая в свет', К'эргын'а 'Женщина из света' и другие.

Антропонимы, которые нарекаются шаманами:

а) названия «чужих племён»: Айван', Танн'ытан 'Враг', Етыл' 'Пришедший';

б) названия животных: Ыт'тыџын 'Пес', Кэџын'ын 'Медведь', Йил'эџыл' 'Еврашка', Этыл'гын 'Волк', Ыт'тыџын'э 'Собака женщины', Йил'эн'э 'Еврашка женщины', Э'кэн'ны 'Злая женщина' и другие.

Для защиты от злых духов иногда употребляются в качестве имён названия неодушевлённых предметов: Вуквун 'Камень', Вуквук'ай 'Камешек', Уттэк'эџ 'Щепка', Уттын'э 'Деревянная женщина', Пойгын 'Копьё', Вал'ы 'Нож', Титин'э 'Иголка' и другие.

Антропонимы, описывающие человека по его внешним особенностям: Омрыџыџрџын 'Крепыш', Айн'аџыџрџын 'Громко кричащий', Ран'аквурџын 'Прямой', Омрын'а 'Крепкая женщина', Ран'авн'ав 'Прямая женщина' и другие.

Различия между современной и традиционной системами присвоения имен существуют. Старая система именования была многообразнее; новая система сузилась, стала более жесткой. Изменились и мотивировки названия новорожденных. Эту трансформацию можно проследить по нескольким линиям.

Во-первых, в традиционной системе считалось нормальным назвать новорожденного именем животного. Это должно было быть не любое, а «индивидуализированное» животное: любимая собака, особо крупный морж или кит и т. п.

В чукотской и эскимосской системах именования и в отраженной в ней реинкарнации, хотя они и сохраняют свои основные внешние черты, видны признаки фундаментальной трансформации. Люди уже отделили мир животных от мира людей, и звери больше не «возвращаются в новорожденных детях».

Во-вторых, в старой системе многие люди носили имена (или, возможно, прозвища) по старым кличкам, местностям, как правило, присоединяя суффикс местного падежа –ми, например, Ываџаџаџ 'житель Кивака' (эскимосское имя). Это отражало социальную или географическую привязанность к данной местности.

В-третьих, наречение ребенка именем умершего человека предполагало не просто, что ушедший человек получил новое воплощение, а что это фактически он и был, что это он сам «вернулся».

К ребенку, получившему имя умершего родственника, полагалось, таким образом, относиться как к тому, прежнему человеку, в соответствии с его родственным и возрастным положением. Этим, в частности, многие старшие эскимосы и авторы ранних этнографических описаний объясняли традиционно уважительное отношение чукчей и эскимосов к детям.

Заключение

В имянаречении важную роль у чукчей и эскимосов играет выбор личного имени. В настоящее время параллельно с официальной системой именования, которая существует сегодня (имя, отчество и фамилию), у чукчей и эскимосов есть еще второе имя – чукотское или эскимосское. На некотором внутреннем, нигде не документированном уровне живет и традиционная система наречения имен. Если не все, то очень многие сегодняшние чукчи и эскимосы имеют в дополнение к паспортным еще и «свое имя», которое присваивается примерно так же, как оно присваивалось в прошлом.

Различия между современной и традиционной системами присвоения имен существуют. Старая система именования была многообразнее; новая система сузилась, стала более жесткой. Изменились и мотивировки названия новорожденных.

Система наречения имени и представления о переселении душ сохраняется у многих коренных народов северо-востока Сибири по сей день, но в трансформированном виде. При сохранении внешней стороны – вещей снов, правил угадывания имени, осознания связи между новорожденным и умершим – основа этнических представлений, которая со временем начинает забываться и изменяться, замещаясь концепциями «генов» и «крови», а также идеей почтения к предкам.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Вахтин Н.Б. Возвращение умерших и наречение имен на северо-востоке Сибири / Н.Б. Вахтин // Канун: альманах [по культурологии]. — 2001 — Канун. Вып.6: Чужое имя. — С. 216–231.
2. Инэнликэй П.И. Чукотско-русский и русско-чукотский словарь / П.И. Инэнликэй. — Ленинград: Просвещение, 1987. — 287 с.
3. Меновщиков Г.А. Личные имена азиатских эскимосов / Г.А. Меновщиков // Антропонимика. — Москва, 1970.
4. Меновщиков Г.А. Эскимосско-русский словарь. 4700 слов / Г.А. Меновщиков. — Ленинград, 1954. — 320 с.
5. Меновщиков Г.А. Эскимосы / Г.А. Меновщиков. — Магадан, Магаданское книжное издательство, 1959. — 147 с.
6. Меновщиков Г.А. Эскимосский язык: Учеб. для уч-ся пед.уч-щ.- 2-е изд., дораб. / Г.А. Меновщиков, Н.Б. Вахтин. — Ленинград: Просвещение, 1990. — 303 с.
7. Молл Т. А. Чукотско-русский словарь: содержит около 8000 слов / сост. Т. А. Молл, П. И. Инэнликэй ; под ред. П. Я. Скорика. — Ленинград: Учпедгиз, 1957. — 194 с.
8. Пусть говорят наши старики / Под научн. ред. И.И. Крупника. — Москва: Институт Наследия, 2000. — С.320-331.
9. Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка, ч. 1. / П.Я. Скорик. — Москва: Издательство Академии наук СССР, 1961. — 450 с.
10. Тэгрэт Г. Традиционная лексика оленных и береговых чукчей Провиденского района / Г. Тэгрэт. — Анадырь, 1995. — С. 31.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vakhthin N.B. Vozvrashhenie umershih i narechenie imen na severo-vostoke Sibiri [Return of the dead and naming in the north-east of Siberia] / N.B. Vahthin // Kanun: al'manah [po kul'turologii] [Kanun: almanac [in cultural studies]]. — 2001 — Kanun. Iss. 6: Alien name — P. 216–231. [in Russian]
2. Inenlikay P.I. Chukotsko-russkij i russko-chukotskij slovar' [Chukot-Russian and Russian-Chukot Dictionary] / P.I. Inenlikay. — Leningrad: Prosveshchenie, 1987. — 287 p. [in Russian]
3. Menovshchikov G.A. Lichnye imena aziatskih jeskimosov [Personal names of Asian Eskimos] / G.A. Menovshchikov // Antroponimika [Anthroponymy]. — Moscow, 1970. [in Russian]
4. Menovshchikov G.A. Jeskimosko-russkij slovar'. 4700 slov [Eskimo-Russian dictionary. 4700 words] / G.A. Menovshchikov. — Leningrad, 1954. — 320 p. [in Russian]
5. Menovshchikov G.A. Jeskimosy [Eskimos] / G.A. Menovshchikov. — Magadan: Magadan Book Publishing House, 1959. — 147 p. [in Russian]
6. Menovshchikov G.A. Jeskimoskij jazyk: Ucheb. dlja uch-sja ped.uch-shh [Eskimo language: Textbook for pupils of pedagogical schools] : 2nd edition, revised / G.A. Menovshchikov, N.B. Vahthin. — Leningrad: Prosveshchenie, 1990. — 303 p. [in Russian]
7. Moll T. A. Chukotsko-russkij slovar': soderzhit okolo 8000 slov [Chukotka-Russian dictionary: contains about 8000 words] / compiled by T. A. Moll, P. I. Inenlikay ; edited by P. Y. Skorik. — Leningrad: Uchpedgiz, 1957. — 194 p. [in Russian]
8. Pust' govorjat nashi stariki [Let Our Old Men Speak] / Under the scientific editorship of I.I. Krupnik. — Moscow: Institute of Heritage, 2000. — P. 320-331. [in Russian]
9. Skorik P. Ya. Grammatika chukotskogo jazyka, ch. 1. [Grammar of the Chukchi language, pt. 1] / P.Ja. Skorik. — Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. — 450 p. [in Russian]
10. Tegret G. Tradicionnaja leksika olennyh i beregovyh chukchej Providenskogo rajona [Traditional lexicon of the reindeer and coastal Chukchi of the Providensky district] / G. Tegret. — Anadyr, 1995. — P. 31. [in Russian]